

Даже такую элитную похвалу Цзян Цяньфань воспринял спокойно, не расстроившись и не обрадовавшись.

Он равнодушно повернулся и сказал Линь Кэсун:

— Пойдем со мной.

Нервы Линь Кэсун напряглись, и она необъяснимо начала нервничать.

Майер кивнул ей, словно успокаивая:

— Ничего страшного, иди.

Броуди вернулся на кухню, а Цзян Цяньфань пошел наверх.

Когда его ноги ступили на деревянный пол, он тихонько скрипнул, и сердце Линь Кэсун забилось в такт.

Когда он повернул на лестнице, Линь Кэсун поспешила догнать его. Ее левая нога наступила на круглый изгиб на углу узкой лестницы, и ее тело задрожало, она едва не потеряла равновесие, но Цзян Цяньфань стоял в конце лестницы, и он обернулся:

— Что ты делаешь?

Холодный голос прозвучал сверху вниз, тело Линь Кэсун, которое едва восстановило равновесие, снова потеряло центр тяжести и упало вперед.

Ее лоб почти ударился о ступеньки, одна рука быстро ухватилась за перила лестницы, и она была спасена.

— Не нужно кланяться мне так формально.

Цзян Цяньфань закончил говорить и повернулся, чтобы продолжить идти.

Линь Кэсун поднялась на ноги, не в силах понять, серьезно ли он говорит или нет, а может быть, издевается над ней? Считается ли это ее подкрадыванием к нижней части костюма шеф-повара?

Если бы Сун Ижань узнал об этом, он бы точно позлорадствовал и сказал: умереть на штанах костюма бога-мужчины, это так приятно, даже если потеряешь все, ха!

Когда она догнала Цзян Цяньфана, то поняла, что они находятся на чердаке ресторана.

На чердаке она увидела обеденный стол, украшенный белыми скатертями, конусообразная чаша с водой, в которой плавала одна маленькая водяная лилия, треугольные окна от пола до потолка по бокам, из которых открывался вид на шумный и суетливый Манхэттен.

Других излишних украшений не было, но Линь Кэсун явно чувствовала, что находится в другом мире.

— Садись, — Цзян Цяньфань сложил свою трость и положил ее сбоку.

Линь Кэсун вспомнила, что уже два часа дня, а они с Цзян Цяньфаном еще не пообедали.

Подошел официант с подносом и очень вежливо поставил перед Цзян Цяньфаном и Линь Кэсун две порции супа.

Линь Кэсун была ошеломлена, значит ли это, что она сможет насладиться тем же обращением, что и представитель?

— Линь Кэсун, что для тебя значит еда? — спросил Цзян Цяньфань, прежде чем Линь Кэсун успела поднять ложку.

— Еда...

Как она должна ответить на этот вопрос?

— Ты должна сказать только самую искреннюю мысль, которая у тебя в голове.

«Хоть ты так и говоришь, но как твоя ученица, как я могу небрежно ответить на этот вопрос?»

Линь Кэсун взяла целую минуту на размышление, ее ум постоянно искал, просеивая различные вступления различных кулинарных шоу и журналов, но жаль, что она слишком мало смотрела подобные шоу, в ее голове не было ничего полезного.

Но Цзян Цяньфань перед ней, казалось, имел много терпения, независимо от того, как долго Линь Кэсун думала, он был готов ждать. Но Линь Кэсун не могла заставить его ждать вечно.

— Если это еда, то в первую очередь, чтобы наполнить желудок, — Линь Кэсун подумала, что этот ответ был немного бестактным.

— Эн, это факт. И что?

— И что? Вкус хорошей еды заставляет людей чувствовать себя счастливыми, еда с семьей, друзьями и даже с человеком, который тебе нравится, — это форма общения... и...

Линь Кэсун прислонилась спиной к спинке сиденья, ее сердце тосковало о Сун Ижане, который был таким внятным парнем, что уже ответил бы на вопрос о том, что еда подобна бриллиантам и золоту, трогая сердца с лицом, полным искренности.

В то время как Линь Кэсун никогда не была хороша в написании сочинений!

Цзян Цяньфань продолжал усложнять ей задачу, и спросил:

— Знаешь ли ты, что такое еда для гурмана или шеф-повара?

— Производство искусства?

— Правильно, это произведения искусства. Материал художника — это холст и краски, материал музыканта — ноты, а наш материал — это все вкусовые качества и съедобные вещи этого мира. Это не просто смесь различных ингредиентов, а скорее баланс и интеграция вкусов, это исследование и выставка законов этого мира.

Голос Цзян Цяньфана был спокоен, как прохладная весенняя вода, текущая по гравии, блуждающая между гор и, наконец, тихо вливающаяся в океан.

Если бы эти слова произнес кто-то другой, Линь Кэсун бы насмеялась и отвечала: «Чушь».

Но когда Цзян Цяньфань произнес эти слова, в них была какая-то убежденность.

— Так что независимо от того, как люди в месте, где ты выросла, воспринимали поваров, здесь каждый повар — художник.

Линь Кэсун поджала губы, в этот момент она почувствовала стыд.

Потому что в ее сердце, независимо от того, насколько вкусной была еда, это был лишь поверхностный опыт, который в конце концов будет смыт в туалет.

Она относилась к еде только как к еде, кроме тонкостей каждого блюда и вкуса, она ничего не чувствовала в деталях. В том числе каждое блюдо, которое дядя Линь Фэн лично приготовил для нее, в том числе жареную печень бабушки Ван, и вонючий тофу перед универсом, — чтобы приготовить все эти вкусные блюда, те, кто их готовил, приложили немало усилий и усердия.

— Сегодня ты попробуешь четыре блюда, которые здесь приготовили для представителя

Томаса. Первое блюдо — мятный суп. Я надеюсь, что кроме наполнения желудка, ты сможешь различить уровни вкуса. Какие ингредиенты входят в каждый уровень вкуса. Как ингредиенты каждого уровня были приготовлены и использованы для того, чтобы это блюдо стало хорошим.

— Ах... — Линь Кэсун опустила голову и посмотрела на суп перед собой, и вдруг почувствовала гору давления.

— Давай, — Цзян Цяньфань уже опустил голову, зачерпнул ложку супа и отправил ее в рот.

Для него различение ингредиентов может быть тривиальной и легкой задачей, но для Линь Кэсун... она чувствовала, что это похоже на высший уровень боевых искусств в романе «Уся».

<http://tl.rulate.ru/book/12730/2732645>